

Семидесятилетний пионер

Жан-Люк Годар отмечает юбилей

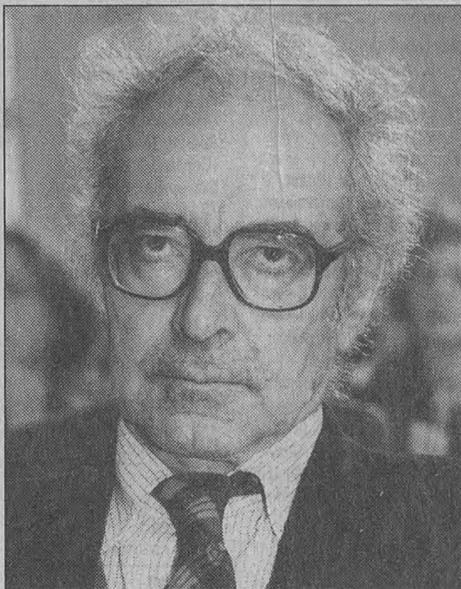
*Киносервис № 7
2000 - 1991 - с. 13*

Исполняется 70 лет Жан-Люку Годару (Jean-Luc Godard) — самому большому оригиналу современного кино. В нем непонятым образом сочетаются индивидуализм и коллективизм. Если Франсуа Трюффо (Francois Truffaut), Эрик Ромер (Eric Rohmer), Клод Шаброль (Claude Chabrol), Жак Риветт (Jacques Rivette) были пионерами «новой волны», то Годар с его революционными замашками — пионервожатым в этом отряде.

Луи Арагон сравнивал его с Делакруа, поклонники называли его новым Дзигой Вертовым и Бертольтом Брехтом. «Имя Годара, — писал кинокритик Серж Дане, — примерно то же, что когда-то имя Пикассо... Все еще есть люди, утверждающие, что снять фильм Годара ничего не стоит. Когда я был ребенком, я точно так же постоянно слышал, что любой младенец или сумасшедший может нарисовать картину Пикассо... Пикассо уже давно победил в музеях и на рынке искусства, но не следует заблуждаться: народ все еще предпочитает коврики с оленями, но только больше не говорит об этом. Нечто подобное происходит с Годаром, он никогда не будет популярен, но одно его имя означает: художник».

Одновременно исполняется как минимум 40 лет попыткам похоронить «злостного авангардиста и шарлатана», «невоспитанного, но гениального двоечника». Многие его оппоненты посвятили жизнь тому, чтобы «навсегда покончить с разговорами о Годаре». И это тоже достойный юбилей.

Во всех последних интервью режиссера прозвучала фраза: «Самое страшное — это одиночество». Когда в кинопрессе появилось сообщение, что Годар наконец-то намерен снять новый фильм — историю бандита, который в 20-е годы был связан с преступным синдикатом, построил первый отель в Лас-Вегасе, помогал Муссолини расправиться с мафией и сам стал жертвой расправы, — комментарий был таков: «Начав с фильма о подонке „На последнем дыхании“, Годар

Годар, расправившийся с буржуазным кинематографом, утверждает, что палачей надо снимать в фас, а жертв со спины

возвращается снова к этой „неисчерпаемой“ теме. Но он уже не внушает былых надежд».

Годару не могут забыть его провокацию против буржуазной киносреды. Однажды он отснял десять часов телевизионных разговоров. Дал объявление, пришли безработные и стали героями фильма. Для многих это была первая в жизни оплаченная работа. Годар сказал уборщице: «Во Франции вы безуспешно ищете работу. Но вы можете сделать нечто иное: взять подмышку этот фильм и поехать с ним, к примеру, в Москву. Там вы будете показывать фильм и дискутировать. Потом вы поедете в Китай агитировать китайских женщин. Везде есть женщины, ищущие работу. Вы знаете слова „Интернационала“?» И уборщица спела. Как оказалось, она слова знала.

Годар много раз повторял: «Я всегда делал то, что хотел. А хотел то, что мог. Мне никогда не удавалось писать. Я с радостью убедился, что кино может обходиться без этого. И всегда использовал цитаты — иными словами, никогда ничего не придумывал. Но я несколько не отрекаюсь от глупых трюков. Чувствую себя немного Максеннетом в эпоху, когда еще не было Голливуда». Ненавидевший Годара критик Клод Бейли парировал: «Интересное сравнение. Разве есть что-либо более жалкое, чем клоун, не умеющий смешить?»

Годар никогда не отличался sentimentalностью и не проявлял корпоративного снисхождения к коллегам, даже к самым близким. «Шаброль? Он чистен, как бандит. Риветт и Ромер? Маленькие фетишисты. Они принесли холеру, которой все переболели. Трюффо? Он не способен ничего придумать. В период „Каие дю синема“ (Cahiers du Cinema) он нападал на Дювивье. Но Трюффо даже не Дювивье. Он узурпатор. И если бы мог, сам бы предал все принципы и вступил в Академию. Поговорим лучше о Джордже Стивенсе. Этот хоть знал, что такое затемнение».

Вот уже двадцать с лишним лет стало общим местом утверждать, что Годар кончился, что его последний значительный фильм — его же дебют «На последнем дыхании», а некоторые блестящие прекрасного видны разве что в «Безумном Пьеро». Остальное, мол, наброски, желчные рисунки, лозунги для убогих «активистов», признание в импотенции, масса испорченной пленки. И все это не имеет никакого отношения к кино — тому кино, которое Годар постарался разрушить.

Сегодня, как и десятилетия назад, Годар все еще вызывает у значительной части кинообщества такую же яростную ненависть. В значительной степени постоянство и сила этих чувств делают французского режиссера не только великим, но и по-прежнему молодым. Гармоничные скучливые старцы подобных эмоций не пробуждают.